

**Николай
КОНЯЕВ**

г. Санкт-Петербург

«ОТ ВЕТРА ГЛАВЫ СВОЕЯ»

В начале 2013 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 года № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути», который особо подчеркивает, что Северный морской путь является «исторически сложившейся национальной транспортной коммуникацией Российской Федерации».

Промыслительно, что вступление этого закона в силу совпало со 100-летием первого русского сквозного плавания, осуществленного экспедицией Бориса Андреевича Вилькицкого по Северному морскому пути, идея которого была сформулирована еще пять столетий назад Дмитрием Герасимовым.

Кто же был этот русский современник Христофора Колумба и Фернана Магеллана, сумевший на столько столетий опередить развитие географической науки и заглянуть так далеко вперед?

...Сколько Бог нам свыше даровал
и сколько мы сами могли уразуметь...

Преподобный Максим Грек

1

Имя Дмитрия Герасимова встречается сейчас только в сугубо научных исследованиях, но тем не менее свершения его столь велики и разнообразны, что порою у исследователей возникает непреодолимое желание разнести их по различным – Мити Малого и Мити Старого – биографиям.

Что же мы знаем о нем?

В 1465 году, когда родился Дмитрий Герасимов¹, только-только начиналось правление Ивана III Васильевича, которого назовут потом собирателем Русской земли...

Примерно в это же время тверской купец Афанасий Никитин совершил «свое грешное хождение за три моря: первое море – Дербентское, дарья Хвалисская, второе море

¹ Эта дата выводится из указания Паоло Джовио, что в 1525 году, когда они вели свои беседы, Герасимову было 60 лет.

– Индийское, дарья Гундустанская, третье море – Черное, дарья Стамбульская...»

А 11 февраля 1469 года – Дмитрию Герасимову исполнилось тогда четыре года – русский царь впервые обменялся посланиями с Папой Римским, который предложил Ивану III Васильевичу взять в жены племянницу византийского императора Софью Палеолог...

Сами по себе эти события никак не были связаны с мальчиком, которому предстояло стать и выдающимся писателем, и отважным путешественником, и русским послом в Риме, но без них невозможно было осуществление его судьбы.

Дмитрию было около пяти лет, когда преставился святитель Иона, архиепископ Новгородский. Варсонофий, Пимен и Феофил тянули тогда жребий, кому быть владыкой. «Вынул жребий Феофилов», но «литовская партия» – Марфа Борецкая и Олелькович – развернула борьбу за посвящение в сан владыки Пимена, соглашавшегося принять посвящение не в Москве, а в Киеве.

Снова возникла в Новгороде смута.

Дело закончилось тем, что летом 1471 года Иван III Васильевич выступил в поход на Новгород и 14 июля на реке Шелони разгромил новгородскую рать, которой командовал Дмитрий Исакович Борецкий. Новгородцы потеряли тогда 12000 убитыми и 1700 человек пленными. Новгородские посадники Дмитрий Борецкий и Василий Селезнев, а также другие вожди «литовской партии» были казнены «отсечением головы», а Новгород фактически вошел в состав Русского государства...

Вполне возможно, что именно тогда и оказались родители Дмитрия Герасимова в Ливонии и начало обучения его промыслительно совпало с возможностью получить такое образование, которое и необходимо будет для служения и Новгороду, и всей Руси.

Как бы то ни было, но к двадцати годам Дмитрий свободно овладел не только немецким языком, но и латынью².

Полученное образование определило и дальнейший жизненный путь.

Поначалу Митя Малый служил писцом³, а затем, когда новгородскому архиепископу Геннадию (Гонзову) потребовались образованные помощники, старший его брат, иеродиакон Герасим Поповка, порекомендовал его владыке.

Святитель Геннадий со вниманием отнесся к рекомендации своего иеродьякона. Похоже, что тогда и пристало прозвищем «Герасимов» к имени Мити Малого имя старшего брата.

Однако первым послушанием Дмитрия Гера-

симова стало дело, назвать которое малым не поворачивается язык. Архиепископ Геннадий поручил своему двадцатидвухлетнему помощнику составить... первый русский учебник латинского языка.

Поразительно, но Дмитрий с этим поручением справился.

Не прошло и года, как русская версия средневековой компиляции классической античной грамматики латинского языка Элия Доната («Донатус») была готова.

Исследователи считают, что образцом для Герасимова стали многочисленные латинско-немецкие издания «Доната» (так называемые интерлинеары), где латинский текст (включая парадигмы склонений и спряжений) был напечатан параллельно с переводом на немецкий язык. Тем не менее Дмитрий Герасимов предложил свою грамматическую терминологию и сумел найти церковнославянские аналоги латинским грамматическим категориям⁴.

Хотя работа Дмитрия Герасимова и преследовала сугубо утилитарные цели, необходим был учебник для школы, открывшейся при архиепископском дворе, но косвенно, как отмечают исследователи, герасимовский учебник отвечал так же и потребности «в кодификации церковнославянской грамматики по авторитетному образцу».

Однако, прежде чем говорить о латинской школе, которую создавал Геннадий Новгородский, надобно вспомнить, что тогда происходило на Руси и зачем Святителю столь срочно потребовалась такая школа...

2

Ученый иудей Схария, про которого годы спустя скажут: «дьяволов сосуд и изучен всякого злодейства изобретению», прибыл в охваченный

² По замечанию Н. А. Казаковой, Дмитрий Герасимов может считаться первым русским, учившимся в западноевропейском среднем учебном заведении.

³ В 1489 году в Кирилло-Белозерский монастырь были посланы переписанная Дмитрием Герасимовым рукопись «Слова против ариан» Афанасия Великого и его же послание о празднике Пасхи.

⁴ Плюсквамперфект («минувшее пресвершенное») Герасимов переводил, к примеру, русским вторичным имперфективом, сочетающимся с окончаниями различных церковнославянских прошедших времён.

смутой Новгород в свите киевского князя Михаила Олельковича в 1470 году.

В Новгороде, где скорбь от походов и казней Ивана III Васильевича мешалась тогда – в 1492 году завершалось седьмое тысячелетие от сотворения мира! – с ожиданием конца света, разговоры Схарию о тайном иудаизме, астрологии и черной магии никого не насторожили. Туманом застлало глаза, и все замерли в каком-то обморочном ожидании, про которое так замечательно сказал О.Э. Мандельштам:

*Как вода в новгородских колодцах
должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась
семью плавниками звезда.*

Из «Просветителя» Иосифа Волоцкого явствует, что «жид прельстил сначала попа Дениса и соблазнил его в жидовство; Денис же привел к нему протопопа Алексея, служившего тогда на Михайловской улице, и этот также отступил от непорочной и истинной христианской веры. Потом прибыли из Литвы и другие жиды – Иосиф Шмойло-Скаравей, Мосей Хануш. Алексей же и Денис так старались укрепиться в жидовской вере, что всегда пили и ели с жидами и обучались жидовству; и не только сами учились, но и жен и детей своих учили тому же. Они захотели обрезаться по вере жидовской, но жиды им того не разрешили, говоря: если проведает об этом христианин, то увидят и разоблачат вас; держитесь своего жидовства втайне, а внешне будьте христианами».

Это очень важный момент!

Схария отнюдь не стремился утвердить иудаизм на Русской земле, он пытался лишь склонить православных людей к отрицанию спасительных таинств и основных догматов православия, приучал их к искажению и осквернению святынь, которым поклонялся русский народ.

Отрицая догматы православия, приверженцы ереси, получившей в официальной науке название ереси жидовствующих, тем не менее внешне соблюдали все обряды и стремились проникнуть (и проникали!) в структуры Православной Церкви.

«Впоследствии Алексей многих научил жидовству: своего зятя Ивашку Максимова, его отца попа Максима и многих еще попов, дьяконов и простых людей. Поп Денис также научил многих жидовствовать: протопопа Гавриила Софийского, Гридю Ключа; Гридя же Ключ научил жидовству Григория Тучина, чей отец имел в Новгороде большую власть. И многих еще они научили... и

они совершили такие беззакония, каких не совершали и древние еретики»⁵.

Крепла, собираясь воедино в могучей руке Ивана III Васильевича, Московская Русь, но разрасталась и новая ересь, и вот подпитываемый ею вспыхнул в 1477 году новый мятеж в Новгороде.

И состоялся осенью третий поход Ивана III Васильевича на Новгород, и так получилось, что новгородские священники Денис и Алексей оказались в Москве в Кремлевских церквах Успения и Михаила Архангела и от них ересь жидовствующих начала распространяться в высшем московском обществе.

«Кто без слез сможет поведать, что натворили эти скверные псы со своими подручными? – скорбел преподобный Иосиф Волоцкий. – Сразу по приезде в Москву, большой и многолюдный город, они не смели выказать что-либо неподобающее, но таились, как змеи, в норе: на людях представлялись святыми и кроткими, праведными и воздержными, но тайно сеяли семена беззакония и погубили многие души, совратив их в жидовство, так что некоторые отпали от Церкви и обрезались в жидовскую веру; и среди них Ивашка Черный, черный как именем, так и делами, и Игнат Зубов, соучастник его»⁶.

Дмитрию Герасимову было пятнадцать лет, когда в ночь на 11 сентября 1480 года сами по себе загудели кремлевские колокола в Москве.

Это началось отступление от Угры татарских ратей. Месяц назад, обходя русские заслоны на Оке, Ахмет-хан двинулся к Угре, однако русским военачальникам удалось разгадать этот маневр, они успели занять переправы и броды на Угре раньше.

И вот теперь татары уходили.

28 ноября Москва встретила войска Ивана III Васильевича, завершившего начавшуюся еще при святом князе Дмитрие Донском столетнюю войну за освобождение Руси от ордынского ига.

«Стоянием» на Угре завершился 240-летний татарский период нашей истории. Окончательно сбросив с себя ордынное иго, Московская Русь стремительно воссоединяет русские земли в единое, мощное государство. Присоединение Тверского княжества, «выводы» людей из Новгорода и заселение там москвичей, покорение Вят-

⁵ Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Москва. 1993, с.23-24.

⁶ Просветитель, с. 26-27.

ки, завоевание порубежных с Литвою городов...

Случайно ли, но именно на эти победоносные для Московской Руси восьмидесятые годы и пришелся пик распространения ереси жидовствующих. Она проникла тогда в высшие круги русского общества. Многие приближенные великого князя, начиная с главы правительства, думного дьяка Феодора Васильевича Курицына, брат которого стал вождем еретиков, были соращены в ересь. Ересью жидовствующих заразилась Елена Волошанка, жена наследника русского престола Ивана Ивановича Молодого, и даже некоторые иерархи Русской Церкви.

Сбереженная Русью в столетиях татарского плена православная вера оказалась в опасности, а вместе с нею и всё государство. Святая Русь, которую не удалось сокрушить ни татаро-монгольским игом, ни западными интервенциями, была поставлена на грань внутреннего саморазрушения!

3

Вот тут и появился человек, которому суждено было раскрыть ересь и организовать борьбу с нею. 12 декабря 1484 года посвятили в архиепископы новгородского архимандрита Чудова монастыря Геннадия.

Первое известие о ереси дошло до нового новгородского архиепископа, когда четверо еретиков, напившись, начали обличать друг друга и тем самым обнаружили себя. В угрюмых сумерках новгородской обиды, возможно, этому факту и не придали бы значения, но святитель Геннадий, «как свеча на подсвечнике, был поставлен Божиим судом» и, точно свеча, освещал самые темные закоулки новгородского ожесточения, которые так возлюбили еретики.

Уже при первых расспросах святитель Геннадий выяснил, что еретики, отрицая догмат Пресвятой Троицы, учат, будто Иисус Христос есть не Бог, а

простой человек. Отрицая Божество Христа, жидовствующие отрицали и церковные установления: отвергали таинства, посты, праздники, почитание Божией Матери и святых угодников, кощунственно относились к святым иконам, а также честному кресту и мощам, отвергали храмы.

Кроме того, в результате розыска открылось, что еретики давно уже проникли и в Москву, куда еще в 1480 году переехали их вожди.

Как свидетельствует Степенная книга, святитель Геннадий «Христовою силою вооружился на сих богопротивное коварство, и прехитро уловляя злодейное их пронырство, яко мрежею, богомудростными глаголы, яко хищныя волки и яко лукавыя лисицы; и вси тогда еретицы в сети безумия своего увязнуша, и ни един же не избысть».

Однако все это стало итогом 19-летней борьбы, а поначалу митрополит Геронтий, когда святитель Геннадий в сентябре 1487 года направил ему розыскное дело вместе со списком обнаруженных богоотступников, не пожелал «докучать» этими известиями Ивану III Васильевичу, и «злодейное пронырство» еретиков приобрело характер откровенного глумления над христианством.

«Еретикам ослаба пришла, – напишет святитель Геннадий суздальскому епископу Нифонту в январе 1488 года, – уже ныне наругаютца христьянству – вяжут кресты на вороны и на вороны. Многие ведели: ворон деи летает, а крестъ на нем вязан деревян, а ворона деи летает, а на ней крест медян. Ино таково наругание: ворон и ворона сядятца на стерве и на калу, а крестом по тому волочат! А zde се обретох икону у Спаса на Ильине улици – Преображение з деянием, ино в празницех Обрезание написано – стоит Василией Кесарийский, да у Спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: Обрезание Господа нашего Иисуса Христа».

*Великий князь
Иван III Васильевич*

уже ведели: ворон деи летает, а крестъ на нем вязан деревян, а ворона деи летает, а на ней крест медян. Ино таково наругание: ворон и ворона сядятца на стерве и на калу, а крестом по тому волочат! А zde се обретох икону у Спаса на Ильине улици – Преображение з деянием, ино в празницех Обрезание написано – стоит Василией Кесарийский, да у Спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: Обрезание Господа нашего Иисуса Христа».

Хорошо известно о той помощи, которую оказал святителю Геннадию в борьбе с ересью преподобный Иосиф Волоцкий (Волоколамский). О деятельности самого святителя говорится намного меньше. К сожалению, историки практически не обращают внимания на тот факт, что если еретики искали и находили поддержку в высоких властных структурах, то архиепископ Геннадий Новгородский в борьбе с ересью мог рассчитывать только на просвещение и образование русских людей.

Повторим, что завершалось седьмое тысячелетие церковного счета времени от сотворения мира и эсхатологические предчувствия были тогда чрезвычайно сильны. Они усиливались еще и оттого, что и пасхалия была составлена только до 1492 года!

Немало сил святитель Геннадий отдал продолжению пасхалии и изложению богословских основ ее. В 1492 году он завершил эту работу, составив пасхалию на 70 лет вперед. Кроме того, он ввел понятие о великом миротворном круге, показав, что через каждые 532 года числа Пасхи повторяются.

Одновременно с этим, поскольку еретики в своей проповеди постоянно прибегали к искаженным текстам ветхозаветных книг, архиепископ Геннадий взял на себя, казалось бы, совершенно неподъемный для одного человека труд – начал сводить в единый свод исправные списки Священного Писания.

– Если Христос был мессия, – спрашивали у неискренних собеседников проповедники ереси, – то почему не является Он в славе, по вашим ожиданиям?

По сути, они повторяли вопрос, который задавали полторы тысячи лет назад на Голгофе иерусалимские книжники и фарисеи, говорившие: «Если он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в него».

Однако мало было ответить на хитроумные вопросы еретиков, еще труднее было услышать правильный ответ, ведь для этого тоже требовалось обладать определенными познаниями!

Поэтому-то наряду с гигантской работой по созданию на русском языке канонического текста Священного Писания (Геннадиевская Библия) святитель занимается и созданным при участии Дмитрия Герасимова духовным училищем. Здесь готовились те люди, которые должны были искоренить невежество, на почве которого и процветали, возвращая своих новых сторонников, еретики.

Видимо, переводческая и научная работа Дмитрия Герасимова по составлению первого русского учебника латинского языка вполне удовлетворила святителя Геннадия, поскольку известно, что уже в 1493 году он направил своего помощника в первую «научную командировку» за рубеж⁷.

Из этой заграничной командировки Герасимов привез, как известно, важные материалы, необходимые для развернувшейся в Новгороде просветительской деятельности архиепископа Геннадия.

Для нашего же очерка существенно и то, что впервые тогда побывал он на Русском Севере, впервые познакомился с поморами, впервые совершил путешествие по северным морям и проблематика, связанная с северным мореплаванием, вошла в круг его интересов...

Исследование берегов Северного Ледовитого океана началось на Руси с незапамятных времен. Новгородская летопись упоминает о походе двинского посадника Улеба (норманна Олава) на Железные Ворота⁸, состоявшемся еще в 1032 году. В стародавние времена было написано и «Сказание об Югре». «Есть же и подаль на полунощ (на север) иные страны – суть горы зайдучи Лукоморья⁹. Им же высота до небеси... Есть же путь до гор тех, и непроходим пропастьми, снегом, лесом...»

Поморы выходили в море на деревянных ладьях, карбасах и шняках... Обжив берега Белого моря, они обогнули Кольский полуостров и добирались до северных берегов Скандинавии.

Во времена Дмитрия Герасимова на Русском Севере были созданы корабли, округлые корпуса которых выдерживали ледовое сжатие. На этих кочах – так назывались созданные корабли! – поморы начали плавать и на Грумант¹⁰.

⁷ Мы уже говорили, что многие исследователи предпочитают делить биографию Дмитрия Герасимова между Митей Малым и Митей Старым и вопрос об идентификации их был предметом долгой научной дискуссии еще в XIX веке и так и не был разрешен с достаточно убедительной определенностью. Более того, выяснилось, что если в конце XV века Дмитрий Герасимов часто упоминается как Митя Малый, то уже в XVI веке источники именуют его (определенно его!) исключительно Митей Старым. Однако знаток древнерусской литературы Е.Е.Голубинский отождествлял толмача Митю, сопровождавшего посла Ивана III Дмитрия Раллиса Палеолога в Данию, именно с Дмитрием Герасимовым.

⁸ Вероятно, пролив Карские Ворота.

⁹ Вероятно, Обская губа.

¹⁰ Шпицберген.

Интерес к землям, простирающимся на восток от Русского Поморья и к морям Северного Ледовитого океана, омывающим здешние берега, не угас в Дмитрие Герасимове и после его возвращения в Новгород. Продолжая служить при архиерейском дворе, он встречался с поморскими промышленниками, узнавал все новые и новые подробности о северных плаваниях.

Любопытно отметить тут, что именно в XV веке в Новгороде было составлено «Сказание о чело-вечех, незнаемых в Восточной стране»: «В той же стране, за теми же людьми, над морем есть иная самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх – как и прочие человецы. В той же стране, за теми же людьми, над тем же морем иная самоедь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят; а видение в пошлину человецы; а коли едят и они крашат мясо и рыбу да кладут под колпаки или под шапку, и как почнут есть, и они плечимо движуть вверх и вниз...»

Говорилось в «Сказании» и о более отдаленных странах...

«На восточной стороне, за Югорьскою землю, над морем, живут люди самоедь завомыи Малгонзеи. Ядь их мясо оленье да рыба... В той же стране, за теми же людьми над морем, живут иная самоедь такова: Линная словет; лети месяц живут в море, а на суше не живут того дея: того месяца понеже тело в них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не могут вылезти».

Эти известия существенно пополняли сведения Дмитрия Герасимова о северных морях, которые легли потом в основу Северного морского пути, осознаваемого не отдельными личностями, а осязаемого самими народами, населяющими берега морей Северного Ледовитого океана... Собственно говоря, это и не гипотеза о возможности создания новой транспортной магистрали была, а некое прозрение того, что Бог дал и определил.

Существенно отметить и то, что прозрение это совершалось в условиях чрезвычайно высокого духовного напряжения, характерного для жизни тогдашней Руси.

Как правило, исследователи не обращают внимания, но разве случайно, что прозрение это совершается в близком соседстве со знаменитой русской идеей, сформулированной псковским иноком Филофеем: «Два Рима пали, третий стоит, и четвертому не бывать...»?

Филофей – сверстник Дмитрия Герасимова.

Мы не знаем, были ли они лично знакомы друг с другом, но отрицать такую возможность нельзя,

поскольку в 1495 году Дмитрий Герасимов посетил в свите святителя Геннадия Новгородского многие псковские монастыри.

Впрочем, это и не важно.

Заочное знакомство, безусловно, имело место.

Одна из ранних оригинальных работ Дмитрия Герасимова, посвященная необычной псковской иконе, на которой царь Давид изображался в образе Иисуса, была адресована княжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину¹¹, в послании к которому и сформулировал Филофей свою идею Третьего Рима...

Почему мы подчеркиваем это?

Хотя идеи Третьего Рима и Северного морского пути и кажутся совершенно разнородными, но при более внимательном рассмотрении в них проступает некая общность.

Инок Филофею удалось найти и сформулировать идеологический, божий смысл геополитического возвышения Московской Руси, становящейся оплотом православной цивилизации.

Мысли Дмитрия Герасимова о Северном морском пути – это мысли о божьем устройении земли. Разведывание и прокладка его – осуществление божьей воли, деяние, к которому и призвана страна, становящаяся оплотом православной цивилизации...

5

Между тем развернутая святителем Геннадием Новгородским борьба с ересью жидовствующей обрела все более драматичный характер.

После кончины митрополита Геронтия еретикам удалось поставить во главе Русской Православной Церкви «напоенного ядом жидовства» митрополита Зосиму.

И хотя спустя три недели после поставления Зосимы, в сентябре 1490 года, состоялся церковный Собор, на котором рассматривалось дело «жидовствующих», но исход его оказался определен. Зараженная ересью «партия власти»,

¹¹ Великокняжеский дьяк Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин, известный также под именем Михаила Гиреева, ведал с 1510 по 1528 год приказными делами в Пскове. В 1493 году он одним из первых русских путешественников побывал в Египте и оставил описание Каира «О Египте, граде велицем». В 1517 году Мисюрь-Мунехин ездил в Москву и присутствовал при встрече известного посла и ученого, написавшего потом книгу о Московии, – Сигизмунда Герберштейна. Мисюрь-Мунехин хорошо знал князя Семена Курбского, известного своим походом в Югру. Умер М. Г. Мисюрь-Мунехин в 1528 году в Пскове.

стремясь перехватить инициативу у новгородского владыки, поставила борьбу с ересью под свой контроль.

Напомним, что за пять месяцев до этого, в марте 1490 года, умер от полиартрита 32-летний наследник престола Иоанн Иоаннович Молодой. Зараженное ересью жидовствующих окружение Елены Волошанки, вдовы наследника, использовало эту смерть в большой дворцовой интриге. Повсюду говорили, что венецианец Леон Жидовин, лечивший наследника, приехал в Москву вместе с Андреем Палеологом – братом Софьи (второй жены Иоанна III Васильевича), и это значит, что Софья и виновата в убийстве Иоанна Молодого, которое нужно ей, чтобы освободить путь к престолу своему сыну – младшему брату Иоанна Молодого – Василию.

Интрига оказалась обречена на успех.

Усиление династических позиций удельного князя Василия Иоанновича противоречило проводимой Иоанном III Васильевичем линии на «собиране» Руси. И хотя никакой связи между казненным Леоном Жидовином и Софьей обнаружить не удалось, Иоанн III Васильевич лишил сына Василия Тверского княжества и начал выдвигать в качестве наследника престола внука Дмитрия. Усиление своих позиций окружение Елены Волошанки использовало для дальнейшего развития ереси.

«Еретики, бывшие в Москве, Федор Курицын и брат его Волк... наученные вселившимся в них дьяволом, составили план, исполненный всяческого злодейства, – подать еретикам руку помощи следующим образом, – говорит «Просветитель». – Они не медля пришли к Державному и умоляли его послать в Великий Новгород, в Юрьев монастырь, архимандрита, некоего еретика по имени Касьян, которого сам Федор и брат его Волк научили придерживаться ереси и жидовства, а Христа отвергнуть. И вот Касьян пришел в Великий Новгород, поселился в Юрьеве монастыре и бесстрашно собирал к себе всех еретиков и отступников, не боясь архиепископа Геннадия, потому что имел поддержку Федора Курицына. С ним пришел в Великий Новгород и брат его, Самочерный. И они всячески оскверняли и предавали поруганию Божии церкви, священные вещи и все православное.

О, кто сможет без слез достойно поведать такую печальную повесть! Какой язык выговорит, какой слух спокойно воспримет такую беду!»

Святитель Геннадий, как сказано в «Просветителе», «старался искоренить погибельные плеве-лы жидовства вместе с гнусным их сеятелем Зо-

симой». Но не терял времени и «жизнелюбивый» еретик митрополит Зосима, развязавший жестокую войну против противников ереси: «одних лишил Божественного Причастия, священников и дьяконов отлучил от сана, говоря, что нельзя осуждать ни еретика, ни отступника. Он также говорил: даже если святитель или священник будет еретиком и отлучит кого-либо или не благословит, то и на Божием суде так будет. Не сведущие в святых книгах боялись обличать его отступничество».

Теперь святитель Геннадий мог бить во все колокола, предупреждая, что еретическая «беда», как явствует из допросов еретиков, началась с приезда Курицына «из Угорские земли», никаких доносов на всесильного дьяка великий князь Иоанн III Васильевич не принимал, а святителю Геннадию даже въезд в Москву запретили...

6

Древнерусская традиция не склонна проследить карьерный рост того или иного персонажа нашей истории, и мы не можем определенно сказать, чем именно был вызван отъезд с архиерейского двора новгородского владыки толмача Дмитрия Герасимова.

Естественно предположить, что в Москве Дмитрия заметили во время его первой «заграничной командировки», когда он сопровождал в Данию – это, кстати сказать, еще одно косвенное подтверждение того, что в 1493 году за границу ездил именно он! – посла Ивана III, Дмитрия Палеолога.

Однако говорить о том, что Дмитрий Герасимов покинул святителя Геннадия Новгородского, опасаясь развернувшихся гонений на него, нет никаких оснований. Переехав в Москву и занимаясь преимущественно дипломатической работой, Дмитрий продолжает работать для святителя. В бытность свою на Посольском дворе он переводит с латинского языка предисловия и толкования Иеронима для Геннадиевской Библии, а в 1502 году вместе с толмачом Власием Игнатовым – названия псалмов из немецкой Псалтыри. Известно также, что тогда Дмитрий Герасимов перевел с латыни трактат Николая де Леры, направленный против иудаизма, и сходное сочинение Самуила Евреина...

Это ли не свидетельство, что и после переезда в Москву Дмитрий остался единомышленником новгородского святителя и верным помощником его!

И причина столь неожиданного поворота в

карьере и судьбе Дмитрия Герасимова кроется, как нам кажется, в другом...

Сейчас, пятьсот с лишним лет спустя, вглядываясь в те события, понимаешь, что подвиг, совершенный святителем Геннадием Новгородским и преподобным Иосифом Волоцким, сравним разве что с деяниями равноапостольного князя Владимира или святого благоверного князя Александра Невского. Ведь еще несколько десятилетий, и ересь жидовствующих окончательно утвердилась бы в нашей стране, и – кто знает? – устояла бы тогда изъеденная изнутри Русь или нет!

Но, совершая свои духовные подвиги во имя Святой Руси, и равноапостольный князь Владимир, и благоверный князь Александр Невский сами в себе воплощали государственную власть, а святителю Геннадию и преподобному Иосифу зачастую приходилось идти и против государственной власти, и против властей церковных.

Мы уже говорили, что если еретики искали и находили поддержку в высоких властных структурах, то архиепископу Геннадию Новгородскому в борьбе с ересью приходилось рассчитывать только на просвещение и образование русских людей...

И вполне возможно, что, отпуская в Москву столь полезного ему сорудника, новгородский архиепископ просто стремился вывести его из-под возможного удара. Прозревая наступающие гонения, святитель Геннадий стремился сохранить своего толмача для того дела, которое ему назначено было совершить.

Историки до сих пор спорят, что же представляла собою ересь жидовствующих.

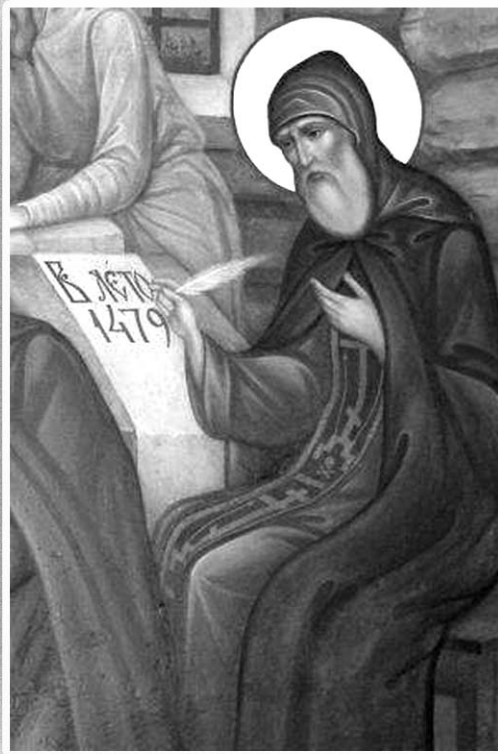
Современные защитники ее склонны выдавать ересь за безобидное и отчасти даже полезное для общественной жизни Руси вольнодумство, которое возникло под влиянием усиливающихся контактов и связей с западными и восточными соседями.

Некоторые исследователи считают, что и называть ересью то, что распространялось тогда на Руси, ошибочно, поскольку родоначальник ереси караим Схария никогда не был христианином и, отрицая божественную сущность Христа и Богородицу, он только излагал убеждения правоверного иудея.

Всё это отчасти верно, хотя нельзя не заметить в подобных рассуждениях изрядной доли лукавства. Едва ли караима Схария обвинили бы в ереси, если бы он исповедовал иудейство и исполнял соответствующие религиозные правила в своей иудейской среде. И даже если бы соvrащенные им новгородские попы открыто перешли в иудейство, это тоже не давало бы повода говорить о ереси. Но в случае с ересью жидовствующих речь идет о другом.

Священники Денис и Алексей, уже исповедуя иудаизм, не только не покинули Православную Церковь, но, выдавая себя за православных, продолжали работать внутри нее на разрушение православия.

Поскольку современные адвокаты еретиков пользуются неопределенностью сведений о ереси так же, как сами еретики в конце XV века пользовались отсутствием у новгородцев выверенных

*Преподобный
Иосиф Волоцкий*

священных текстов, вопрос о реальном содержании ереси жидовствующих приобретает принципиальное значение.

«Знакомство с сочинением волоцкого игумена порождает и другой вопрос – об идеологе ереси – в том грандиозном виде, в каком представил его Санин, – пишет один из современных адвокатов еретиков. – Кто среди тех, кого Иосиф причислял к «жидовствующим», обладал столь глубокими и разнообразными богословскими познаниями и литературными талантами? Если преп. Иосиф в своем грандиозном сочинении разоблачил всевозможные нападки на христианство, кто-то должен был их сформулировать и ввести в единую систему. Очевидно, на эту роль не подходят ни караимский вероучитель Схария, ни полуграмотные новгородские попы, ни жизнелюбивый митрополит Зосима, ни светский писатель и дипломат Федор Курицын.

Между тем, по нашему мнению, у ереси всё же был свой идеолог – не кто иной, как преподобный Иосиф Волоцкий. Обратим внимание на «невинную», на первый взгляд, фразу в предпосланном «Просветителю» «Сказании о новой ереси новгородских еретиков...». «Этой беды ради и я выбрал из Священного Писания и святоотеческих творений некоторые обличения против речей еретиков, – уведомляет читателя Иосиф. – ...Я собрал воедино свидетельства из различных святых книг, чтобы знающие, прочитав, вспомнили, а не знающие, прочитав, поняли». На наш взгляд, эта фраза раскрывает не столько алгоритм работы над «Просветителем», сколько незамысловатую методику компиляции, благодаря которой появилось на свет учение «жидовствующих». Иосиф кропотливо извлек из множества знакомых ему антиеретических трудов нападки на христианскую церковь, относящиеся к разным эпохам, и объединив в одно целое, приписал их новгородским вероотступникам, заодно «изобличив» их с помощью богословов прошлого».

Рассуждение весьма любопытное...

Безусловно, можно восхититься ловкостью, с которой автор жонглирует фактами, но всё же следует признать, что в своих рассуждениях он разоблачает не «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого, а саму ересь жидовствующих.

В том-то и дело, что у еретиков и не было надобности «в глубоких и разнообразных богословских познаниях и литературных талантах», поскольку эта ересь и не предполагала никакого, пусть и ошибочного, но все-таки рассчитанного на успех «улучшения» православия.

Целью ереси было разрушение православия

вообще и Русской Православной Церкви и Русского православного царства в частности!

Вербуя своих сторонников, еретики указывали лишь на то, что могло посеять смущение в душе православного собеседника. Пользуясь недостатком книг, в которых можно было бы найти необходимую справку, они сообщали собеседнику сведения, которые могли заронить сомнение в православных догматах. Смысл ереси жидовствующих заключался не в том, чтобы склонить человека к чему-то определенному, а только в том, чтобы опорочить в его глазах православие. Именно это и делало ересь жидовствующих такой неуловимой и такой опасной, именно это и позволило раковым корням ереси проникнуть в самое сердце московского самодержавия...

«Просветитель» Иосифа Волоцкого, выявляя ересь, лишил ее неуязвимости...

В заключительных главах-словах «Просветителя» зафиксирован уже не только святоотеческий опыт борьбы с еретиками, стремящимися разрушить Православную Церковь, но и собственный опыт борьбы с еретиками преподобного Иосифа Волоцкого:

«Вы знаете, как Юлиан Отступник стремился осквернить христиан, но нынешние отступники хуже того сотворили. Ведь Юлиан пытался осквернить православных теми идольскими жертвами, от которых ел сам, а эти – тем, чего не едят и псы, устраивая такое осквернение, такие скверные дела, о которых нельзя и написать, не осквернив слух и язык слушателей...»

8

Говорят, что во время работы над «Просветителем» иноки Успенского Волоцкого монастыря порою замечали витающего над игуменом Иосифом белого голубя.

Действительно, погружаясь в чтение «Просветителя», тоже порою начинаешь различать чистый, льющий с небесной выси свет, и становится понятно, какую кипучую ненависть к преподобному испытывали высокопоставленные еретики.

Кажется, уже вся власть была под их контролем, но вот зазвучали «Слова» не очень-то и влиятельного игумена Иосифа, и открылись глаза у людей, и пришлось отстранить от руководства Русской Православной Церковью «жизнелюбивого» содомита и еретика Зосиму.

Казалось бы, еретики окончательно восторжествовали, когда в результате их интриг в 1497 году был посажен в тюрьму сын Иоанна III Васильевича, а внук Дмитрий, сын Елены Волошанки, коронован на царство в Успенском соборе Московского Кремля.

Но нет...

Исчезло вдруг куда-то безоглядное доверие, что питал Иоанн III Васильевич к своей снохе Елене Стефановне и к всесильному дьяку Федору Курицыну. Некоторые историки говорят, что виною тому стало поведение отца Елены Волошанки Стефана III, не оправдавшего ожиданий Иоанна III Васильевича, но это – только попытка объяснить перемену в государе, а не объяснение.

В 1499 году партию еретиков ждал очередной удар.

К смертной казни были приговорены князья Патрикеевы, и лишь заступничество митрополита Симона спасло их. Патрикеевых постригли в монахи, и младший Василий, под именем князя инока Вассиана, оказался в Кирилло-Белозерском монастыре.

Причину падения всесильных Патрикеевых историки тоже не могут объяснить. Рассуждения о каком-то упущении Патрикеевых по дипломатической линии, как и ссылки на недовольство их, связанное с утратой новгородских владений, звучат крайне неубедительно. Как и в случае утраты Иоанном III Васильевичем доверия к Елене Волошанке и дьяку Федору Курицыну, тут тоже больше желания объяснить необъяснимое, чем самого объяснения.

Финал дворцовой интриги нам известен.

11 апреля 1502 года Иоанн III Васильевич приказал заковать «в железа» своего венчанного шапкой Мономаха внука. Мать его, Елену Волошанку, обвинили в ереси жидовствующих и так же заточили в темницу, где она вскоре умерла.

Во время пасхальной недели 1503 года преподобный Иосиф Волоцкий встречался с Иоанном III Васильевичем и беседовал с ним о «церковных делах».

Считается, что преподобному удалось тогда объяснить Иоанну III Васильевичу, что ересь представляет опасность не столько даже для Русской Православной Церкви, сколько для единодержавной власти московского великого князя. Вероятно, во время этой беседы и покаялся государь, что знал «которую ересь дръжал Федор Курицын. А Иван, деи, Максимов и сноху у мене в жидовство свел».

– Я ведал еретиков, и ты меня прости в том... – сказал Иоанн III Васильевич.

– Государь! Мне тебя как прощать? – изумился преподобный.

– Пожалуй, прости меня! – повторил государь.

Однако когда волоцкий игумен предложил усилить кары для еретиков, Иоанн III Васильевич не стал продолжать эту беседу.

И так получилось, что еретики, хотя они и вынуждены были затаиться, все-таки расправились с главным своим гонителем святителем Геннадием Новгородским.

В 1504 году он вынужден был оставить архипастырское служение и 4 декабря 1505 года отошел ко Господу в Чудовом монастыре.

9

Опала на святителя Геннадия проживающего в Москве Дмитрия Герасимова не коснулась, и он, продолжая служить на Посольском дворе, постепенно превращался в умелого и видного дипломата, участвуя в самых ответственных посольствах того времени.

Швеция, Дания, Норвегия, Пруссия...

Существенно отметить, что все эти посольства, помимо непосредственного практического результата переговоров, обогащали русских людей новыми европейскими представлениями о мире.

Европа уже вступила тогда в эпоху великих географических открытий.

В 1488 году португальцы, обогнув Африку, вышли в Индийский океан.

В 1492 году испанец Христофор Колумб, отправившийся в поисках торгового пути в Азию на запад через Атлантический океан, открыл Америку.

А в 1498 году португальская экспедиция под руководством Васко да Гамы, обогнув Африку, достигла Индии...

Впитывая новые европейские открытия, Дмитрий Герасимов снова и снова возвращался в своих мыслях к Русскому Северу, к тому Божьему пути, который должен был проходить не через южные моря и океаны, не через далекий запад, а через омывающий русские берега Северный Ледовитый океан.

И так уж оказалась устроена жизнь Дмитрия Герасимова, что, если начало его литературного и общественного служения оказалось обозначенным могучей фигурой святителя Геннадия Новгородского, то теперь, в 1518 году, государева служба сводит его с прибывшим с Афона преподобным Максимом Греком.

Будущий преподобный, которого звали тогда Михаил Триволис, родился в Арте около 1470 года и числил среди своих предков Константинопольского патриарха. Он получил хорошее домашнее образование, но желание продолжить обучение привело его в 1492 году во Флоренцию. Изучение сочинений Платона и пламенные проповеди Иеронима Савонаролы, беспощадно бичевавшего «блудницу на семи холмах», как он именовал Рим, оказали огромное влияние на Максима Грека.

В Италии он превращается в одного из образованнейших людей своего времени, не растрчивая при этом тех духовных основ, что были заложены в нем православным воспитанием. Исследователи отмечают, что в противоположность гуманистам, пытающимся извлечь из христианства то, что могло помочь Возрождению, Максим Грек «пытался обратить на пользу христианству эрудицию, какую он получил во время своего общения с гуманистами».

В 1502 году Михаил Триволис принял иноческий постриг в католическом доминиканском монастыре святого Марка, где незадолго до того настоятелем был Савонарола. Однако через два года, когда имя Савонаролы оказалось запрещено в монастыре, покинул его и в 1505 году принял иноческий постриг с именем Максим в Благовещенском Ватопедском монастыре на Святой горе Афон. Считается, что здесь в совершенстве усвоил он опыт святоотеческой «умной молитвы», а также весь комплекс богословских воззрений, характерных для поздневизантийского исихазма...

Трудно понять, почему человек, достигший таких духовных высот, едет в неведомую, совер-

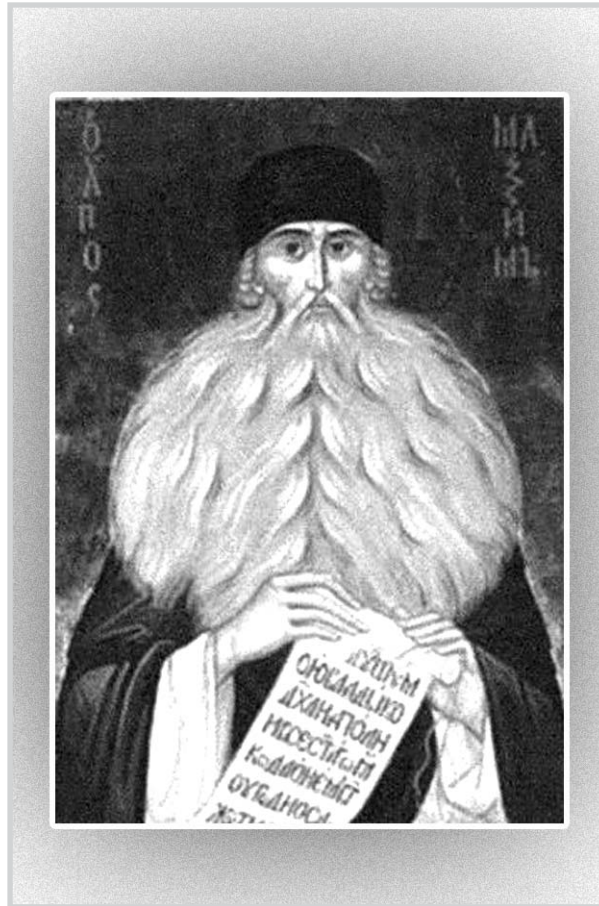
шенно чужую ему страну, но, видимо, греческий патриотизм в Максиме Греке все-таки оказался сильнее умной молитвы.

Воспользовавшись приглашением великого князя, Максим Грек приезжает в Москву и становится здесь пропагандистом и защитником «греческой идеи», призывая великого князя к возвращению Русской Церкви в лоно византийской и освобождению Константинополя от турецкого ига.

Воевать с турками Василий III Иоаннович не возражал. Однако требовалось – сущие пустяки, конечно, за полтора столетия Русь вполне управлялась с этим делом! – придвинуть южную границу страны к турецким владениям...

Еще проще обстояло дело с созданием единой православной церкви. Можно было начать с того, что на Руси не хватало переводов очень многих книг, важных для православной жизни. Отчего бы такому великому ученому не перевести на русский язык с греческого хотя бы Толковую Псалтырь?

Максим Грек, видимо, отказывался, ссылаясь на незнание церковнославянского языка, но это несколько не смутило великого князя. Он приказал прикрепить к Максиму Греку помощников, Дмитрия Герасимова и Власия Игнатова.

Максим Грек

В результате в Чудовом монастыре закипела работа.

Перевод делался в два этапа.

Максим Грек переводил Псалтырь на латинский язык, а Дмитрий Герасимов и Власий Игнатов диктовали писцам Михаилу Медоварцеву и Силуану перевод с латыни на церковнославянский.

– А мы с Власом у него сидим, переменяясь, – рассказывал потом сам Дмитрий Герасимов дяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину. –

Он сказывает по-латыньски, а мы сказываем по-русски писарем...

Почти полтора года шла эта работа.

Через год и пять месяцев Максим Грек завершил труд.

«Надлежало бы книге, исполненной таких достоинств, иметь и переводчика более опытного в словесном искусстве, который бы мог не только глубокомысленныя речения богомудрых мужей достойно передать, но и временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков поврежденное исправить, – писал Максим Грек, обращаясь к Василию III Иоанновичу. – Ибо хотя мы и сами Греки и учились у знаменитых учителей, но еще стоим негде долу, при подошве горы Фаворской, с девятью учениками, как еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголепных видений Просветителя Иисуса, которых удостоиваются только просиявшие высокими добродетелями...

Однако же сколько Бог нам свыше даровал и сколько мы сами могли уразуметь, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцом или от долговременности, где возможно было при пособии книг, или по собственной догадке, старались исправить. Где же не могли мы ничего сделать, оставили так, как было».

Максим Грек просил у государя достойного вознаграждения своим сотрудникам: переводчикам и писцам, а для себя – позволения возвратиться в Святую гору.

Однако великий князь Василий III Иоаннович просьбу преподобного о возвращении на Афон оставил без внимания. Высоко оценив и перевод Толковой Псалтыри, и само стремление переводчика «временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков поврежденное исправить», он поручает Максиму Греку заняться исправлением богослужебных книг.

Мы уже говорили, что перевод античной грамматики латинского языка Элия Доната («Донатус») Дмитрий Герасимов сделал для латинского училища в Новгороде еще в 1447 году. Однако известно, что в 1522 году он почему-то возвращается к этому переводу, перерабатывая и дополняя его.

Похоже, что связано это было с прекращением его работы у преподобного Максима Грека...

Дипломатическая работа требовала участия Дмитрия Герасимова в посольствах, да и Максим

Грек, как он сам считал, вполне уже овладел церковнославянским языком и не нуждался в лишней ступеньке в переводах. Подстраховать, наверное, и должно было пособие, изготовленное Герасимовым.

Интересно, что именно этим доработанным в 1522 году «Донатусом» и пользовались потом в русских монастырях еще более столетия.

Интересно и то, что если создание первого варианта «Донатуса» знаменует начало сотрудничества Дмитрия Герасимова со священником Геннадием Новгородским, то второй вариант «Донатуса» знаменует освобождение его от сотрудничества с преподобным Максимом Греком.

Совпадение, конечно, вроде бы случайное, но тем не менее очень знаменательное...

10

Еще будучи в Италии, Максим Грек написал работу «О фортуне», в которой обстоятельно рассуждал о судьбе и предопределении в жизни, о дарованной человеку возможности не только заглянуть в свое будущее, но и изменить его. Так получилось, что теперь и его собственная жизнь становилась наглядной иллюстрацией к этому сочинению.

Должность исправителя русского православия – опасная должность.

С одной стороны, столь глубоко проникая в православные книги – в распоряжение Максима Грека было предоставлено богатейшее собрание древних греческих книг, находившихся в библиотеке великого князя! – исследователь обретает силы, которых он не имел ранее, а с другой стороны, появляется и некая искусительность.

Четче стали представления Максима Грека о католичестве, находящемся во власти «внешней» философии, которая, отходя от Божественного закона, стремится подчинить учению Аристотеля и само богословие. Глубже стало постижение «внутренней» философии Православия...

Однако, подвергая справедливой критике католичество, преподобный Максим Грек, вполне уже овладевший русским языком, и на русскую жизнь тоже смотрел строго и придирчиво, полагая, что постиг все ее тонкости и особенности.

Бесстрашно обличал он московские суеверия и невежество, смело критиковал монашествующих, ставя в пример им католические монастыри, где, в отличие от русских обителей, все чище и строже, где действует благодать Святого Духа.

Подобные высказывания шокировали, конечно,

москвичей, но возражать любимцу великого князя они долгое время не смели, и так продолжалось до 1524 года, пока великий князь Василий III Иоаннович не принял решение расторгнуть брак со своей бесплодной супругой Соломонией...

Максим Грек, уже вполне освоившийся к тому времени с ролью исправителя русского православия, посчитал тогда своим долгом сделать государю выговор.

В своем послании он убеждал великого князя не покоряться плотским страстям, и разъяснял, что самодержец – тот, кто умеет держать самого себя в руках, охраняя себя от греховных страстей – «сластолюбия, славолюбия и сребролюбия».

Так не принято было говорить на Руси с государями.

Так нельзя было говорить о государственном деле! Ведь, если бы речь шла о простом человеке, можно было бы и напомнить ему о греховных страстях, но тут-то не одно только «сластолюбие» двигало государем, тут речь шла о наследнике, о продолжении династии, о будущем всей державы!

Уже шесть лет преподобный Максим Грек занимался исправлением богослужебных книг в Москве, где так и не искорененная до конца ересь жидовствующих, принимая то одни, то другие формы, пыталась вовлечь и его в свои ряды... За эти проведенные в Москве годы преподобный Максим Грек успел накопить достаточно много недоброжелателей. Еще больше подозрений вызывала его деятельность, связанная с исправлением богослужебных книг, и теперь противники этой деятельности, разумеется, постарались воспользоваться промашкой греческого переводчика, обвинив его самого в измене и ереси.

Несколько дней преподобный провел в кандалах в темнице Симонова монастыря, а потом был вызван на суд, где его обвинили в сношениях с опальными боярами и турецким послом. Также в вину Максиму Греку был вменен неправильный перевод греческих книг, якобы искажавший их полный смысл.

Обвинители преподобного доказывали, что в церковно-богослужебных книгах ничего не должно исправлять. Максим Грек опровергал это ложное убеждение, демонстрируя грубые ошибки и искажения христианской догматики, которые он обнаружил в этих книгах.

Однако теперь, когда великий князь уже не подерживал Максима Грека, оправдаться ему не удалось. Преподобного отлучили от принятия

Святых Тайн и заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Десять лет спустя, когда уйдет из жизни великий князь Василий III Иоаннович, Максим Грек напишет исповедание, в котором заявит о своей невиновности. И хотя на Святой Афон его не отпустят и на этот раз, но к принятию Святых Тайн допустят и возвратят часть обширного архива.

После двух десятилетий заключения Максим Грек будет переведен в Троице-Сергиев монастырь, чтобы заняться переводом на русский язык Псалтыри...

11

Впрочем, это уже совсем другая история, а сейчас хотелось бы отметить, что в работах, посвященных преподобному Максиму Греку, порою многозначительно подчеркивается тот факт, что вместе с ним пострадали все его сотрудники (Медоварцев был сослан в Коломну, а Силуан – в Соловецкую обитель), и только одного Дмитрия Герасимова не тронули.

Ну, во-первых, не один только Дмитрий Герасимов уцелел. Не пострадал и Влас Игнатов, уехавший вскоре с посольством в Испанию.

А во-вторых, на самом деле нет ничего удивительного в этом избирательном отношении к сотрудникам Максима Грека.

И Михаил Медоварцев, и Силуан были писцами. Они продолжали работать с Максимом Греком, когда тот занялся исправлением Триоди. Грамматические русизмы, вкравшиеся в церковнославянский язык и послужившие поводом для обвинения преподобного в ереси, могли принадлежать и им.

Сами же переводы на церковнославянский язык делались теперь самим Максимом Греком, и Дмитрий Герасимов, как, впрочем, и Влас Игнатов, просто не имели к ним никакого отношения.

Так что интересно не то, как удалось Дмитрию Герасимову без ущерба выйти из очередной очень опасной ситуации, а то, что снова он оказался в точке, где особенно высоко было напряжение духовной жизни страны.

И снова удивительным образом совпадает тут его биография с духовным становлением псковского инока Филофея, написавшего в 1524 году великокняжескому дьякону Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину свое «Послание на звездочетцев», в котором объяснил, что не следует приписывать астрономическим явлениям добро или зло, что человек обладает собственной волей и сам ответствен за свой выбор.

Получается, что идея Третьего Рима рождалась в контексте антиокультурной полемики, которую так или иначе вели и святитель Геннадий, и преподобный Иосиф Волоцкий, и преподобный Максим Грек.

Обличая увлечение астрологией и ересь жидовствующих, инок Филофей напоминал великому князю Василию III Иоанновичу, в какой уникальной исторической ситуации оказалась Русь, какая миссия возложена на нее, каким путем следует двигаться дальше, не отклоняясь от православной веры...

Этот путь искал и Дмитрий Герасимов...

Льдами и туманами окажется затянут он, но прежде надо было разглядеть этот Божий путь в обманном тумане неверия...

И еще об одном событии необходимо упомянуть тут.

20 сентября 1519 года из устья реки Гвадалquivир в Испании вышло пять кораблей под командой Фернандо Магеллана.

В результате мятежей и стычек с туземцами, в которых погиб и сам Магеллан, назад в Севилью вернулась только «Виктория» Хуана Элькано, но первое кругосветное путешествие оказалось совершено.

Впервые мореплаватели обогнули земной шар!

В мире о первом кругосветном путешествии узнали из отчета секретаря императора Карла V Максимилиана Трансильвана, который был издан в Кельне в 1523 году.

Отчет этот с описанием великого путешествия из первых рук – Трансильван общался непосредственно с капитаном Хуаном Элькано! – почти сразу же был переведен на русский язык.

Автором перевода, озаглавленного «Сказание о Молукитцких островах» был, разумеется, Дмитрий Герасимов, а переписывал текст Михаил Медоварцев, работавший вместе с Герасимовым в еще не распавшейся тогда «команде» Максима Грека.

Можно тут подчеркнуть, с какой скоростью распространялись тогда на Руси самые передовые европейские знания, но еще важнее, что знания эти сразу же применялись к русской жизни, к решению ее геополитических задач.

Дмитрий Герасимов, разъясняя для русского читателя суть кругосветного плавания, совершенного кораблями Магеллана, сумел не только найти предельно точные замены отсутствовавшим в русском языке понятиям – экватор он, к

примеру, назвал полуденным поясом, – но и применил новые знания к давно вынашиваемой им идее Северного морского пути.

12

9 апреля 1525 года Василий III Иоаннович отправил Дмитрия Герасимова к Папе Римскому Клименту VII.

Это посольство было ответом на визит в Москву папских послов, привезших предложение понтифика участвовать в Лиге против мусульман, и в Риме русского посла встречали с превеликим почетом. Его велено было поместить «в самой великолепной части ватиканского дворца».

Деметрий Эразмий – так итальянцы переименовали русское имя! – привез понтифику соболиные меха и грамоту Василия III Ивановича, в которой великий князь изъявлял желание быть со святейшим престолом в союзе против турок.

Когда же посол изъявил желание ознакомиться с достопримечательностями Вечного города, по велению Папы к нему приставили для этого Кьерикатти епископа Абрुццкого, и Герасимов подробно осмотрел Рим, побывав и на папском богослужении, и на заседании Сената.

Но, наверное, самым главным событием посольства стала встреча Дмитрия Герасимова с епископом Паоло Джовио (он же Павел Иовий Новокомский). Общение с ним стало и для Рима, и для Руси, и для всей Европы еще более важным, нежели вручение понтифику великокняжеской грамоты.

Русский посол с его «спокойным и восприимчивым умом», с его «весёлым и остроумным характером» понравился Иовию. На основании продолжительных бесед с этим «весьма искусственным в человеческих делах и Священном Писании» посланцем и возникла «Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к Клименту VII»¹² – первая в Европе достоверная книга о русском государстве.

По сути, Герасимов должен считаться одним из соавторов ее, поскольку вся книга состоит из этнографических и географических сведений, почерпнутых в беседах с ним.

Вот в этой книге и была со слов Дмитрия Герасимова сформулирована гипотеза о том, что если плыть от Северной Двины на восток, держась

¹² Pauli Jovii Novocomensis de Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII liber.

правого берега, то можно добраться на кораблях до границ Китая...

Тогда же Дмитрием Герасимовым был составлен и чертеж Русской страны с указанием этого пути¹³.

Составляя в 1553 году рукописный атлас, венецианский картограф Баттиста Аньезе сделал на этой морской карте прямую ссылку на Дмитрия Герасимова: «Moscoviae tabula relatione Dimetrij legati descripta»¹⁴.

Больше года провел Дмитрий Герасимов в своей последней заграничной «командировке».

20 июля 1526 года вместе с папским послом И.Ф. де Потенци он вернулся в Москву.

13

После поездки в Рим Дмитрий Герасимов, переваливший на седьмой десяток, целиком ушел в книжные труды.

В начале правления Иоанна IV Васильевича Грозного он перевел по заказу Новгородского архиепископа Макария – вот и снова встреча еще с одним великим русским святителем! – Толковую Псалтырь с толкованиями отцов и учителей латинской церкви Иеронима, Августина и Григория Великого.

В приложении к переводу Дмитрий Герасимов привел четыре Символа веры, славословие Амвросия Медиоланского, сказание о переводе Ветхого Завета с еврейского на греческий язык, а «Этимологиарий» Исидора Севильского снабдил собственными примечаниями, сопоставляющими его со славянской хронологией.

Этот труд Дмитрия Герасимова получил широкое распространение и имелся в библиотеках Волоколамского, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей...

Это последние дошедшие до нас сведения о человеке, первым заговорившем о Северном морском пути.

Увы...

Не так уж и много сведений об этом человеке дошло до нас.

И, перебирая немногие подробности биографии, разбирая его переводы, выискивая зарубежные упоминания о сформулированном им проекте Северного морского пути, порою теряешься...

Возникает ощущение, что вся жизнь этого необыкновенного талантливого и чрезвычайно деятельного и трудолюбивого человека оказалась

рассеянной по далеким векам, что сама его мысль о существовании Северного морского пути превращается в анекдот, всего лишь в любопытный филологический казус...

Однако тут же понимаешь, что ощущение это никакого отношения к жизненному пути подлинного Дмитрия Герасимова не имеет.

Оно из нашего времени, времени индивидуализма, а Дмитрий Герасимов – сын того древнерусского времени, когда совпадали пути спасения и устройства страны, когда трудами, подвигами и молитвенными прозрениями таких людей, как Дмитрий Герасимов, и созидалась Русская держава.

И, конечно же, когда мы говорим о нем, для нас интересны не столько личностные моменты его биографии, сколько тот древнерусский образ жизни и творчества, который с такой полнотой и воплощал он в себе.

14

Завершая свой последний труд, 70-летний переводчик поставил под ним 15 октября 1535 года подпись: «Дмитрий, грешной и мало ученый Схоластик, рекше ученик».

Как известно: «Аз сельский человек, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывах, учуся книгам благодатного Закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех», – писал о себе и сверстник Дмитрия инок Филофей.

Вряд ли кто будет спорить, что, подобно иноку Филофею, Дмитрий Герасимов принадлежал к числу образованнейших русских людей...

Однако и искренность его собственной самооценки тоже не подлежит сомнению.

Можно объяснить эту заниженную самооценку традиционной для культуры средневековой Руси скромностью, однако это слишком общее объяснение.

¹³ Первый и единственный ныне известный экземпляр этого чертежа был выставлен на аукционе Sotheby's, проходившем в Лондоне 7 декабря 1993 г. Сейчас он хранится в Москве, в собрании РГАДА (ф. 192, оп. 6, № 963). Это первая гравированная карта России. По материалам этого чертежа в 1548 году в Венеции была составлена и выгравирована Джакомо Гастальди «MOSCHOVIA NOVA TABVLA», опубликованная в «Географии Птолемея» – первая географическая карта Русского царства, гравюра на меди.

¹⁴ «Карта Московии, составленная по рассказу посла Димитрия» – лат.

Как нам кажется, формулируя свои мысли, связанные с Божьей волей, касающейся как устройства Руси, так и предназначенного для нее пространства, и инок Филофей, и Дмитрий Герасимов становились проводниками Божьей воли и в собственном сознании умалаялись рядом с провозглашенными ими идеями.

И нет тут никакого сознательного самоуничтожения, которое тоже зачастую паче гордыни... Это естественное ощущение древнерусского человека, живущего в божьем времени.

Ни инок Филофей, ни Дмитрий Герасимов не хлопотали о сохранении за ними авторства тех гениальных идей, которые они высказывали, и не потому не хлопотали, что не понимали их значения, а потому, что считали эти идеи – Указаньями Божьими, а себя лишь переводчиками, записывателями, сообщателями их.

И, конечно же, в этой связке любой человек, как бы ни был он образован и гениален, всегда остается только более или менее исправным участником.

Такими они были, и только трудами и подвигами таких людей, как они, и могла построиться Святая Русь.

15

Нет, не гаснут бесследно, подобно фейерверку, вспыхнувшие на небе огни.

Небесный свет, воспринятый и уловленный теми, кто способен к этому, становится достоянием людей в том объеме, сколько они сами могут уразуметь...

Конечно же, нельзя представлять мысль Дмитрия Герасимова о существовании Северного морского пути любопытным филологическим казусом, потому что нелепо и думать, будто об этом Дмитрий Герасимов рассказал только своему римскому собеседнику.

Наверняка говорил он о Северном морском пути и с поморскими капитанами в ходе своих многочисленных дипломатических вояжей, и наверняка – он был достаточно видным чиновником – озвучивал эту мысль и в правительственных кругах...

То, что не осталось письменных свидетельств о подобных разговорах, не значит, что подобных разговоров не было.

Более того, взглядыываясь в исторические события, мы обнаруживаем, что мысль о Северном морском пути достаточно быстро овладевает мо-

лодыми современниками Дмитрия Герасимова и в правительственных учреждениях, и в поморских поселениях.

В 1553 году, когда корабль Ричарда Ченслера (Ченслора) бросил якорь в устье Северной Двины, англичане попытались представить это как открытие нового морского пути и предъявили администрации Иоанна IV Васильевича Грозного претензию на установление монополии морской торговли в пользу Британии.

– Морская дорога к нашей вотчине в Холмогору не новая, – ответили на это московские дипломаты, которые, возможно, помнили разговоры своего коллеги Мити Старого о Северном морском пути. – Божью дорогу как мочно перенести, и унять, и затворити?

Мы сказали тут «возможно», потому что действительно, возможно, и помнили посольские дьяки рассуждения толмача Мити Старого о Северном морском пути, но, в принципе, это совершенно не важно.

Спустя пятнадцать лет после кончины Дмитрия могло и стереться авторство, но сама-то идея оставалась, она продолжала жить и в умах царских чиновников, и в головах поморских капитанов как некая данность.

16

Итак получилось, что Северный морской путь начинает становиться реальностью.

Уже в 1572 году на реке Таз возникает Мангазея, и в 1616 году плавания вдоль Мезенских и Пустозёрских берегов через Вайгачский пролив в Карское море, а затем по протекающей поперек полуострова Ямал реке Мутной до озера Зеленого и до Обской губы становятся достаточно обычным делом для поморов.

Более того, в 1618 году русские мореходы под предводительством Акакия Мурманца сумели обогнуть полуостров Таймыр, попав в море Лаптевых Северным морским путем. Исследования, проведенные археологами во главе с А. П. Окладниковым, доказали этот факт.

Становление Северного морского пути происходило уже при новой династии, но, безусловно, как и взятие Казани, как и покорение Сибири Ермаком, оно принадлежало к свершениям династии Рюриков, в правление которой и была построена Святая Русь.

При первых Романовых Северный морской путь был запрещен и убит еще в утробном своем состоянии...

Считается, что сделано это было с подачи тобольских воевод...

И действительно, тобольские воеводы прямо были заинтересованы в устранении еще одного Мангазейского пути из Сибири, конкурирующего с тобольским путем. И, как и бывает в таких случаях, они сумели найти весьма патриотическую мотивировку. Тобольские воеводы сообщали в Москву о большом беспокойстве, которое им причиняет угроза иностранного нашествия. Они сообщали, будто на Колгуеве мангазейские мореходы обнаружили разбитый корабль с пушками, и спрашивали, разрешать ли иноземцам торги, если они появятся в Мангазее и в Енисее.

«А по здешнему, государь, по Сибирскому смотря делу, ни которыми обычаи Немцом в Монгазее торговати ездить позволить немочно; да не токмо им ездити, ино б, государь, и Русским людем морем в Монгазее от Архангелского города для Немец ездить не велеть же, чтобы на них смотря Немцы дорог не узнали, и приехав воинские многие люди Сибирским городом какие порухи не учинили; а в Монгазее и в иных Сибирских городех люди немногие, стоять против многих людей некем; да и потому толко придут вскоре какие воинские люди, и из Тоболска и из иных Сибирских городов помочи вскоре немочно, потому что Монгазее от Тоболска и от иных Сибирских городов отдалела, болшим погодьем поспевать из Тоболска недель в восемь, а коли погодья живет мало, и ходу живет недель тринадцать и болши; а от Архангелского города ход к Монгазее близко, поспевают в полпяты недели. А мочно, государь, Немцом пройти в Монгазее из своих земель, не займюя Архангелского города, а у города Архангелского сведать будет про них немочно».

В Москве, кажется, только и ждали этого обращения тобольских воевод.

Уже 25 июня 1616 года была составлена, а 19 октября доставлена в Тобольск грамота, утверждавшая проект запрещения морского пути в Сибирь.

Мангазейские воеводы и люди, занятые непосредственно северным морским судоходством, пытались противодействовать, оспаривая такое решение, но уже в ноябре 1620 года последовал указ, коим окончательно под страхом смертной казни воспрещался морской путь в Сибирь, а «торговым и всякого звания людем» предлагалось пользоваться сухопутными дорогами через Камень.

В 1623 году на Ямале, на Мутной и на Зеленой реках, выставили заставу, и морской путь в Сибирь перестал действовать.

А скоро, на радость тобольским воеводам, зачала и сама златокипящая Мангазее, скоро пришло в упадок и все русское морское дело...

17

Закрыли рождающийся Северный морской путь, как бесспорно свидетельствуют документы, по просьбам тобольских воевод.

Местнические интересы их очевидны, и поэтому для нас интереснее понять, почему все-таки вняли в Москве этим просьбам, почему было принято решение, противоречащее государственным интересам? Почему на два с лишним столетия задержали развитие Русского Севера? Почему убили северное русское мореплавание?!

Некоторые исследователи и сейчас пытаются доказать, что все тогда было сделано правильно и таким образом удалось предотвратить иностранную экспансию в Сибирь.

Воистину, чтобы говорить такое, нужно научиться смотреть на факты, как говорил Иоанн IV Васильевич Грозный «беззаконными очами».

Кто же защищает Родину, уничтожая собственный флот и опорные пункты на пустынных берегах?

И какую же, интересно, иностранную опасность отвели этим запретом, если и в XVII, и в XVIII века только иностранцы и плавали по нашим северным морям как у себя дома и только в XIX веке снова появились там русские корабли?

Чтобы увидеть следы произведенной в результате этой «защиты» иностранной экспансии, достаточно взглянуть на географическую карту – весь русский морской север испещрен иностранными именами.

Ну, а насчет территориального завоевания русских северов в XVI веке это, конечно, не слабо сказано.

Увы, все было сделано Романовыми, чтобы сдать северные территории, ведь после введенного для своих кораблей запрещения плавать в Мангазее совсем беззащитным стало русское побережье...

И если завоеватели, которых так опасались в Тобольске, все-таки не сумели овладеть северными сибирскими территориями, то только потому, что, к счастью для нашей страны, они еще не научились тогда вести войны в таких экстремальных условиях...

Думается, что в Москве тогда не могли не понимать трагических последствий, которые прои-

зошли и которые могли бы произойти на наших северах в результате вводимого запрета.

Но так уж была ориентирована новая династия, что стремление развернуть Русь от Богом дарованных ей просторов Тихого и Северного Ледовитого океанов и уткнуть ее в Балтийское мелководье и в берега никому не шибко-то нужного без Дарданелл Черного моря, оказалось сильнее соображений безопасности и выгоды.

Можно вспомнить тут сходный указ Петра I от 31 октября 1713 года, которым запрещалась морская торговля через Архангельск, чтобы убедиться еще раз, что первые Романовы делали все, чтобы навсегда закрыть двери, распахнутые в океан русского будущего, и уткнуть Россию в дурнопахнущие европейские зады...

* * *

Вот так при первом же царе Романове и оказался похороненным гениальный план толмача Мити Герасимова о Божьем пути через моря Северного Ледовитого океана.

Само имя Дмитрия Герасимова очень скоро оказалось забыто, и снова всплыло оно в 1666 году на Большом церковном соборе над патриархом Никоном и расколоучителями, который под руководством митрополита Паисия Лигарида ве-

ли «вселенские патриархи», патриаршие кафедры которым будут куплены царем Алексеем Михайловичем уже после завершения Собора.

Историки до сих пор спорят об авторстве знаменитой «Повести о Новгородском белом клубке». Для организаторов Собора 1666–1667 годов, окончательно оформивших раскол Русской Православной Церкви, таких сомнений не было.

Без колебаний Церковный собор объявил автором этой замечательной повести Дмитрия Герасимова и постановил, что сочинял он ее «от ветра главы своя».

Впрочем, первым Романовым казалось, что и вся Святая Русь тоже была сочинена «от ветра главы своя»...

□

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

